

Министерство образования и науки Российской Федерации
Байкальский государственный университет экономики и права

А.М. Курышов

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ
ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА
КОРЕННЫХ НАРОДОВ ПРИБАЙКАЛЬЯ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX СТОЛЕТИЙ**

Иркутск
Издательство БГУЭП
2011

УДК 957
ББК 63.3
К93

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета экономики и права

Рецензенты д-р ист. наук, проф. А.В. Шалак
д-р ист. наук, проф. Ю.А. Зуляя

Курышов А.М.
К93 Трансформация системы традиционного хозяйства ко-
ренных народов Прибайкалья на рубеже XIX–XX столетий /
А.М. Курышов. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2011. — 212 с.

ISBN 978–5–7253–2382–5

Рассматриваются проблемы изменения традиционного хозяйс-
тва автохтонных народов Прибайкалья — западных бурят, эвенков
и тофов — в период становления капиталистических отношений в
Сибири с позиций институционального подхода.

Адресуется всем интересующимся экономической историей
Байкальского региона.

ББК 63.3

ISBN 978–5–7253–2382–5

© Курышов А.М., 2011
© Издательство БГУЭП, 2011

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы трансформации хозяйственных традиций коренных народов Иркутской губернии (бурят, эвенков и тофов) на рубеже XIX–XX столетий связаны с целым комплексом проблем, решение которых важно как для современной отечественной науки, так и для российского общества в целом.

Первая проблема проистекает из серьезного противоречия: приметами последних десятилетий стали резко усилившиеся интернационализация экономики, изменения традиционных хозяйств и культур, и, вместе с тем, это время характеризуется усилением интереса к традиционному хозяйству, что, по-видимому, является реакцией на экономическую глобализацию, опирающуюся на принципы рыночных отношений. Данное противоречие, в свою очередь, является частным случаем масштабного процесса формирования или возрождения этнического самосознания народов. Экономические проблемы коренного населения Сибири находились в основе программ национальных движений, например, бурят, еще в начале двадцатого столетия. В последнее десятилетие вопросы, связанные с возрождением традиционного хозяйства автохтонных народов Сибири также все чаще поднимаются на страницах периодической печати и в научных трудах исследователей. Возрождение хозяйственных традиций рассматривается как одно из непеременимых условий физического сохранения этносов и развития их самобытной культуры. Власть и народ стоят перед нелегкой проблемой определения отношения к тенденциям усиления национальных движений в целом и пропаганды возрождения хозяйственных традиций в частности.

Вторая проблема заключается в оптимизации хозяйственной деятельности человека относительно его взаимоотношений с природной средой. Нередко необходимость возрождения национальных хозяйственных традиций аргументируется тем, что они оптимально соответствуют конкретным географическим условиям какого-либо региона, под влиянием которых данное хозяйство и формировалось. В свете признания современным обществом приоритета ре-

шения экологических проблем, значение влияния которых на жизнь человека трудно преувеличить, изучение национальных традиций природопользования становится все более актуальным. Обращение же к вопросам трансформации позволяет не просто констатировать наличие природоохранного аспекта традиционного хозяйства, но и, осознавая объективную необходимость экономической интеграции, рассматривать возможности оптимального соотношения в системе экономических отношений современных методов хозяйствования и хозяйственных экологических традиций. А это имеет уже известное практическое значение.

Наконец, третья проблема лежит в плоскости поиска исторических путей развития России. Российская действительность, по крайней мере, со времен петровских преобразований, была связана с проблемами адаптации общества к постоянно изменяющимся условиям социально-экономического, политического, культурного планов. Соответственно, «российская политико-экономическая мысль от своего возникновения до наших дней постоянно ставит в центр своего внимания вопросы глобального переустройства (трансформации) российского общества»¹. Вопросы трансформации традиционного хозяйства народов Сибири в этой связи являются составной частью основной проблематики отечественных общественных наук.

Конкретной целью настоящей работы является рассмотрение явлений экономического характера, составляющих основу процессов трансформации традиционного хозяйства коренных народов Иркутской губернии на рубеже XIX–XX вв. Под *коренными народами* подразумеваются те национальные общности, которые проживали на территории Иркутской губернии до прихода сюда русского населения. Это буряты, эвенки и тофы. Под *традиционным хозяйством* понимается самоорганизующаяся система, элементами которой выступают хозяйственные традиции коренного населения, а системообразующим фактором — способы природопользования. Соответственно, предметом изучения являются изменения, происходящие во внутренних связях

---

¹ Сорокин Д. Российская политико-экономическая мысль: основные черты и традиции // Вопросы экономики. 2001. № 2. С. 23.

и элементах систем традиционных хозяйств коренных народов Иркутской губернии под влиянием внешних и внутренних факторов. Поставленная цель может быть достигнута при условии: идентификации традиционного хозяйства и его трансформации применительно к коренному населению Иркутской губернии в контексте экономической модернизации России, имевшей место в конце XIX—начале XX вв.; анализа предпосылок, содержания и последствий процессов, которые явились основными проявлениями трансформации систем традиционных хозяйств коренных народов Иркутской губернии в рассматриваемый период; выявления на основе проведенного анализа черт трансформации традиционного хозяйства, являющихся общими для трех коренных народов Иркутской губернии и специфическими для каждого из них; определения роли изменений, произошедших в хозяйственных традициях коренных народов Иркутской губернии в конце XIX—начале XX вв. в процессе поступательного развития систем традиционных хозяйств вообще.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца 1880-х гг. до 1917 г. Выбор именно этого периода обуславливается несколькими обстоятельствами. Во-первых, конец XIX—начало XX столетий ознаменовались качественными изменениями в российской экономике и социальной сфере, что отразилось и на Сибирском регионе. Увеличиваются масштабы переселения, что создает в некогда казавшейся безграничной Сибири проблему малоземелья. В 1890-х гг. начинается землеустроительная реформа, непосредственно коснувшаяся «иностранцев». Строится Транссибирская железная дорога, которая связала Сибирь с Европой и превратила край ссылки в активно экономически развивающийся регион. Новые социально-экономические условия способствовали интенсификации процесса трансформации традиционного хозяйства автохтонного сибирского населения. Безусловно, изменения хозяйственного быта — процесс длительный, связывать его с достаточно коротким промежутком времени вряд ли оправданно. Однако, как представляется, именно с 80-х гг. XIX в. трансформация традиционного хозяйства приобретает черты необратимого процесса, а ее темпы значительно возрастают. Относительно коренного населения Иркутской губернии в большей степени это относится к

бурятскому хозяйству, трансформации которого способствовали правительственные меры (с 1880-х гг. — поощрение переселения русских крестьян в Сибирь, облегчение процедуры перехода «инородцев» в крестьянское сословие, реформа землеустройства, волостная реформа и т.д.). Обозначенная интенсификация трансформации хозяйства эвенков и тофов имеет более расплывчатые хронологические рамки, которые, однако, также приближены к рассматриваемому периоду. Верхняя временная граница исследования — 1917 г. — определяется известными обстоятельствами, связанными с революцией и формированием совершенно новых социально-экономических и политических реалий, влиявших и на направленность трансформационных процессов. В целом же временное ограничение исторических исследований концом XIX—началом XX вв. широко распространено в отечественной историографии и не является чем-то новым.

Территориальные рамки исследования ограничены Иркутской губернией. Административный фактор в российских условиях всегда играл важную роль в процессах социально-экономических изменений. Применительно конкретно к рассматриваемому периоду это обстоятельство в высшей степени значимо. Например, начало реформы землеустройства бурят Иркутской губернии, которая теснейшим образом связана с трансформацией традиционного бурятского хозяйства, хронологически не совпадает с землеустройством забайкальских бурят. Иркутская губерния на рубеже XIX–XX вв. являлась центром Иркутского генерал-губернаторства. Соответственно, население губернии в первую очередь испытывало на себе влияние административного ресурса, было как бы «ближе» к власти, нежели жители соседних Енисейской губернии и Якутской и Забайкальской областей. Например, в Забайкальской и Якутской областях не было казенных палат, губернских судов — для восточносибирских областей их функции выполняли соответствующие органы Иркутской губернии². Кроме того, природные условия большей части

---

² Матханова Н.П. Полномочия губернатора в середине XIX в. региональная специфика // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории: материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 3–4 марта 1998 г. Новосибирск: Изд. Ин-та истории СО РАН, 1998. С. 51.

Иркутской губернии, несмотря на свое разнообразие, все же обнаруживают определенное единство и образуют специфический природный район Прибайкалья. С ним через Ангару, Илим, верховья Лены и Нижней Тунгуски связаны северные районы губернии. Особенности расчлененности рельефа, климата, наличие разветвленной речной сети, связывающей отдельные части губернии, характеристика почв и состава растительности в совокупности позволяют отличать Иркутскую губернию, с известной долей условности, как особый природный регион. Природный фактор же, в свою очередь, имеет главное значение в процессе формирования традиционного хозяйства. В силу этого, например, хозяйственные традиции иркутских бурят ближе к хозяйственным традициям старожильского русского населения, нежели забайкальских бурят. В рассматриваемый период Иркутская губерния делилась на пять округов (с 1890-х гг. — уездов) — Иркутский, Нижнеудинский, Балаганский, Верхоленский и Киренский. «Инородческое» население проживало во всех округах (уездах). Национальные административно-территориальные образования были представлены тунгусскими и бурятскими инородческими ведомствами, включенными в состав округов. Национальной тофаларской административно-территориальной единицы не существовало. В конце 80-х гг. XIX в. ведомств было 25: Иркутский округ — Капсальское, Тункинское, Кудинское, Китойское, Балаганский округ — Аларское, Молькинское, Боханское, Улейское, Бильчирское, Балаганское, Укырское, Нижнеудинский округ — Нижнеудинская земляца, Верхоленский округ — Верхнекудинское, Баендаевское, Куленгское, Хоготовское, Ленское, Ангинское, Ольхонское, Очеульское, Тутурское, Киренский округ — Нижнеилимское, Киренско-Хандинское, Курейское, Кондогирское. Последние шесть ведомств были тунгусскими (эвенкийскими), остальные — бурятские. Однако количество ведомств постоянно увеличивалось путем деления старых ведомств на более мелкие. В начале XX столетия начался процесс преобразования инородческих ведомств в волости, который к 1917 г. так и не был закончен. Большая часть волостей образовывалась по национальному признаку в рамках прежних инородческих ведомств или делением их на несколько волостей.

Методологическую основу исследования составляет системный подход, выбор которого требует некоторых уточнений. По большому счету, все возможные методы исследования сводятся к универсальным способам умозаключений — либо к дедукции (восхождение от абстрактного к конкретному), либо к индукции (от частного конкретного к общему абстрактному). Автор использует оба метода, в зависимости от решения той или иной задачи. Такой подход обуславливается двойственностью научной деятельности — с одной стороны, она направлена на индуцирование общего знания из частных наблюдений, с другой — любая наука вынуждена пользоваться априорными представлениями, требующими дедуцирования. Метод индукции основан на практике, которая зачастую очень переменчива, поэтому он всегда предполагает интуитивную догадку. Дедукция же ведет к абсолютно доказательным выводам, поскольку признаки целого всегда сохраняются в частях этого целого, однако, дедукция — это всегда в известной степени абстракция. Все это предопределяет необходимость разумного сочетания обоих подходов. На уровне исторической науки названная двойственность проявляется в споре о соотношении эмпирической и теоретической истории. Если естественные науки, используя априорные суждения, все же стремятся корректировать их в зависимости от данных опыта, то к исторической науке это неприменимо — историк не имеет возможности повторить опыт, он имеет дело с огромным количеством *уникальных* фактов, количество этих фактов растет прямо пропорционально усилиям, прикладываемым для изучения конкретного явления, процесса, периода. Более того, историк не прямо наблюдает исторический факт, а вынужден пользоваться его интерпретацией. В силу названных обстоятельств для достижения поставленной цели исследователь должен «отобрать» те факты, которые, по его мнению, являются существенными, которые могут характеризовать объект и предмет исследования в целом. Этот, на первый взгляд, сугубо индуктивный процесс, на самом деле предполагает наличие определенных теоретических положений, принимаемых исследователем. Если таких положений нет, то, во-первых, в любом случае *субъективный* характер научных выводов будет отягощен случайным выбором интерпретиру-

емых фактов, во-вторых, сама научность такой деятельности должна быть поставлена под сомнение, поскольку выявляемые таким образом «закономерности» у разных исследователей могут противоречить друг другу.

Итак, безусловно, историческую науку интересуют конкретные исторические факты. Увлечшись теоретизированием, исследователь может выявить закономерности исторического процесса, но рискует оторваться от *фактической* почвы, от истории как таковой. С другой стороны, принимая тотально во внимание все выявленные *на данный момент* факты, историк не сможет сформулировать ни одной закономерности, а это уже ставит под сомнение саму научность предпринимаемых действий. Выход из этой ситуации представляется в разумном совмещении дедуктивного и индуктивного методов. На современном этапе развития науки средством такого совмещения для историка может служить системный подход. Рассматривая объект исследования как систему, мы уже получаем возможность отталкиваться от теоретической основы, дедуцируя понятие объекта, раскладывая его на элементы системы и, что более важно, определяя внутрисистемные связи: «цель науки не работа над частностями, не констатирование того, чем явления различаются друг от друга, а того, что их связывает между собой»³. Выявив компоненты системы и связи между ними, т.е. определив структуру системы, мы имеем возможность уже в ограниченных рамках рассматривать исторические процессы с привлечением известных фактов, анализ которых (по сути — индукцирование, вынесение заключений по некоторым свойствам предмета о предмете в целом, или по некоторым элементам множества — о множестве в целом) позволяет делать выводы о направлении развития этих процессов. Сопоставляя данные анализа, представляется возможным говорить о наличии или отсутствии известных закономерностей. Таким образом, факты не подгоняются под уже существующую схему, заключительные положения выводятся не из теории, а из эмпирики.

---

³ Цит. по: Коломийцев В.Ф. Методология истории (От источника к исследователю). М.: РОССПЭН, 2001. С. 28.

Такая логика процесса исследования, однако, предполагает наличие двух обстоятельств, с которыми приходится считаться. Во-первых, производя дедуцирование объекта исследования, мы рано или поздно неизбежно столкнемся с априорными представлениями, дальнейшая раскладка которых невозможна или нецелесообразна для решения конкретных поставленных задач. В этом случае нужно иметь в виду, что познание без априорных схем в принципе невозможно, и нужно лишь следить за тем, чтобы их количество не умножалось сверх меры. Примером таких априорных представлений в данной работе являются понятия «коренной народ» и «этнос». Во-вторых, при индуцировании общих тенденций из конкретных исторических фактов историк неизбежно сталкивается с проблемой выделения *главного* в ущерб *менее существенному*. Такой выбор является прерогативой конкретного исследователя, своего рода «необходимым злом», попытки устранить которое не только бесполезны, но и вредны, поскольку приведут к простому воспроизведению *ранее сделанных интерпретаций* бесконечного набора противоречащих друг другу явлений, имевших место в прошлом.

В настоящей работе в соответствии с изложенной схемой на первом этапе произведено дедуцирование понятия «традиционное хозяйство коренного населения». При этом традиционное хозяйство рассматривается как система, соответственно выделяются ее системообразующий фактор, интегративное качество (отсутствующее у элементов системы, взятых по отдельности), констатируется, что компонентами системы являются хозяйственные традиции и определяется характер связей между этими компонентами. Затем определяются смысл понятия «трансформация традиционного хозяйства» и направления трансформации. На следующем этапе ограничивается поле исследования, выделяются явления хозяйственной жизни коренных народов Иркутской губернии на рубеже XIX–XX столетий, которые представляют собой основные проявления трансформации. Наконец, данные явления анализируются, производится процесс индуцирования общего знания из частных наблюдений, формулируются выводы.

Наряду с универсальным системным подходом при решении поставленных перед исследованием задач применялись

и частнонаучные исторические методы — историко-генетический, рассматривающий исторические явления через их происхождение, и историко-типологический, подразумевающий расчленение системы и изучение существенных признаков и связей объектов исследования. Примером применения первого метода является рассмотрение земледельческо-скотоводческого хозяйства прибайкальских бурят в связи с его эволюцией в конкретных географических условиях. Второй метод применялся, например, при анализе характера проведения реформы землеустройства иркутских бурят и при исследовании вопроса об основных проявлениях трансформации эвенкийского и тофаларского хозяйств. Также, в отдельных случаях, использовались статистический метод (при анализе количественных изменений) и системный анализ. Последний способ применялся тогда, когда была возможна формализация частной проблемы через использование математического языка.

В целом исследование базируется на двух основополагающих принципах: принципе историзма (рассмотрение факта в связи с конкретными историческими условиями, его идентификацией во времени и пространстве) и принципе сравнительности (сравнение идентифицированных во времени и пространстве явлений с другими с целью выявления повторяемости, закономерности).

При рассмотрении вопросов, составляющих задачи настоящего исследования автор исходил из положений материалистического понимания истории, ибо, до сих пор их «никто серьезно не оспорил»⁴. В связи с этим экономические процессы представляются определяющими в развитии общества. Однако термин «экономический» имеет два значения — содержательное и формальное. Содержательное значение связано с пониманием факта зависимости человека от природы и других людей. Формальное значение основывается на определении экономики как выборе в условиях ограниченности ресурсов⁵. В данной работе используется содержательное зна-

---

⁴ Коломийцев В.Ф. Методология истории. С. 21.

⁵ Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 2. С. 62. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/692/586/1234/ecsoc_t3_n2.pdf#page=62.

чение термина «экономический». Соответственно, экономическая трансформация вообще рассматривается как способ развития экономических отношений в истории, институционального оформления экономики, трансформация традиционного хозяйства сибирских народов в рассматриваемый период — как процесс постепенного освобождения экономической составляющей общественной жизни, во-первых, — от прямой зависимости от природных условий, во-вторых, — от контроля со стороны социальных институтов. Последнее положение согласуется с субстантивистской теорией Карла Полаanyi, трактовавшего такое освобождение как «великую трансформацию». Автору также близки взгляды известного сибирского историка Н.Н. Козьмина о тесном взаимодействии этнического самосознания и хозяйственной деятельности, обуславливающей это самосознание⁶.

Автор считает своим долгом выразить благодарность тем, благодаря чьей помощи и терпению эта книга увидела свет: профессору Александру Васильевичу Шалаку, доценту Дмитрию Ярославовичу Майдачевскому, профессору Юрию Анатольевичу Зуляру и супруге Ирине Васильевне Курышовой.

---

⁶ См.: Козьмин Н.Н. Хозяйство и народность (Производственный фактор в этнических процессах) // Сибирская живая старина. Вып. VII. Иркутск, 1928. С. 1–22.